

**КАЗАЧЬЕ КЛАДБИЩЕ В ОМСКЕ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ
И СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ (конец 1919 – начало 1941 г.)**

Е. И. Красильникова

**THE KAZAKH CEMETERY IN OMSK: CONTINUITY
OF TRADITIONS AND THE SOVIET MEMORY POLITICS (late 1919 – early 1941)**

E. I. Krasilnikova

Статья посвящена истории старого мемориального Казачьего кладбища, находившегося в Омске. Цель статьи – охарактеризовать противоречия между традициями российской некрокультуры и советской политикой памяти на примере Казачьего кладбища в Омске в период между концом 1919 – первой половиной 1941 г. Автор описывает внешний облик этого кладбища, кратко характеризует социальный состав лиц, погребенных на Казачьем кладбище, называет могилы наиболее интересных и выдающихся людей. Показаны признаки сохранения дореволюционных традиций в устройстве кладбищ и советских нововведений. Также в статье охарактеризовано отношение местных органов Советской власти, печати и жителей города к проблемам разрушения кладбища в 1920 – 1930-х гг. В методологическом отношении работа отражает новый для сибиреведения опыт сочетания антропологически ориентированного подхода к изучению исторической памяти общества, известного как «memory studies» и приемов традиционной некрополистики. По выводам автора, после революции Казачье кладбище долгие годы сохраняло признаки дореволюционной некрокультуры. Однако уже в начале 1920-х гг. под воздействием советской политики памяти заметно менялась мемориальная эстетика и само отношение горожан к историческому некрополю. Несмотря на усилия местной интеллигенции сохранить Казачье кладбище, это памятное место было сильно разрушено к началу 1940-х гг., избежав, однако практически полного уничтожения, происшедшего в других городах Западной Сибири.

The paper is devoted to the history of the old memorial Kazakh Cemetery in Omsk. The aim of the paper is to characterize the contradictions between Russian necro-culture traditions and the Soviet Memory policy with the example of the Kazakh Cemetery in Omsk between the late 1919 – early 1941. The author describes the appearance of cemetery, briefly characterizes the social composition of the people buried in the cemetery, lists the graves of the most interesting people. The author highlights the signs of pre-revolutionary traditions preserved in the cemeteries' layout and the Soviet innovations. The paper also characterizes the attitude of the local Soviet authorities, the press and the residents of the city to the problems of the cemetery's destruction in the 1920s – 1930. In methodological terms, this work reflects a new experience in the studies of Siberia – the combination anthropology-oriented approach to the study of the society's historical memory, known as the «memory studies» and the methods of traditional necropolitics. The author concludes that after the revolution the Kazakh Cemetery kept the signs of pre-revolutionary necroculture for many years. However, in the early 1920s, under the influence of the Soviet Memory policy, the memorial aesthetics and the attitude of citizens to historical necropolis changed. Despite the local intelligentsia's efforts to keep the Kazakh Cemetery, this memorial place had been heavily damaged by the early 1940s., avoiding, however, the almost complete destruction of what was happening in other cities of Western Siberia.

Ключевые слова: кладбище, исторический некрополь, памятные места, политика памяти, Омск.

Keywords: cemetery, historical necropolis, memorial places, Memory policy, Omsk.

Для постсоветского этапа развития исторического краеведения в различных регионах России характерно возрождение некрополистики – исторической субдисциплины, предметом изучения которой являются старые кладбища, надгробные памятники и выполненные на них записи. Исторический некрополь (сочетание захоронений, включая места, где уничтожены мемориальные памятники, и комплекса источников по истории формирования и существования кладбищ [34, с. 141]) связан с фиксацией, хранением и трансляцией коллективной памяти о значимых для сообщества персонах и событиях. Исследования в данной области в настоящее время особенно актуальны, поскольку в условиях современной культуры заметно снижается роль традиций, происходит угасание исторической памяти, базирующейся, кроме прочего, на аксиологических основаниях. Общество, находящееся в поисках идентичности, нуждается в «обретении предков». Ослабевающий интерес к проблемам исторической памяти и памятных мест связан и с повсеместными, болезненными проявлениями своеобразного насилия

со стороны власти над исторической памятью общества, примером такого насилия являются разрушения памятников и святынь. Отношение общества и власти к старым кладбищам характеризует состояние духовной культуры, восприятие обществом целых исторических эпох и трактовку их значения в перспективе дальнейшего социокультурного и политического развития. Именно поэтому важно заострить внимание именно на проблемах, возникающих в точках соприкосновения государственной политики памяти и некрокультуры (сферы культуры, в которой закрепляется понимание сущности смерти и форм воздействия на нее со стороны общества и человека [11, с. 278]).

Как заключает А. П. Сорокин, специально изучавший развитие некрополистики в Омске, материалы по истории омских кладбищ собирались уже в последней трети XIX в. генералом И. И. Шпрингером и протоиереем И. А. Сулоцким [32, с. 170]. Также к первым опытам омских некрополистов стоит отнести работу в рамках исследовательского проекта начала XX в., известного как «Русский провинциальный нек-

рополь». Проект инициировал великий князь Николай Михайлович, сбор данных выполняло провинциальное (в частности омское) духовенство. Накопление эмпирического материала продолжил в середине XX в. известный краевед и музейщик А. Ф. Палашенков, не опубликовавший, однако, свои работы [32, с. 170]. Систематическое изучение истории омского некрополя началось на волне подъема отечественной некрополистики на рубеже XX и XXI вв. Краеведы (И. Е. Бродский, Л. И. Огородникова, П. П. Вибе, Н. М. Пугачева, А. М. Лосунов и др.) уже внесли немалый вклад в изучение истории Казачьего кладбища [14; 27; 29 и др.]. Большая часть этих исследований посвящена выявлению имен выдающихся омичей и реконструкции их биографий. Однако, по нашему мнению, важно заострить внимание на Казачьем кладбище не просто как на местной достопримечательности, но как на памятном месте, значимом для населения города и как на объекте политики памяти. Под политикой памяти мы подразумеваем способы и сам процесс идеологизации прошлого, создания необходимых власти социальных представлений и национальных символов [31, с. 41]. По словам французского историка Ю. Шеррер «историческая политика, в общем и целом направлена на формирование общественно значимых исторических образов, которые реализуются в ритуалах, претерпевая изменения со сменой поколений или по мере эволюции социальной среды» [33, с. 91]. В 1920 – 1930-х гг. советская политика памяти официально не обозначалась как самостоятельная сфера государственной политики. Ее реализация происходила в рамках культурной и градостроительной политики, выражалась в отношении государства к торжествам по случаю памятных дат и т. д. По содержанию и направленности советская политика памяти 1920 – 1930-х гг. имеет отличительную специфику. Она связана с процессами легитимации власти большевиков, с распространением и утверждением новой государственной символики, а также новых оценок исторического прошлого. Изначально осуществлялась борьба за символическое пространство старых памятных мест. Постепенно началось их вытеснение. В 1930-х гг. разрушение старых памятных мест стало повсеместным. Еще одна отличительная черта советской политики памяти – унификация различных вариантов коллективной памяти сообществ, постепенное вытеснение локального компонента коллективной памяти общегосударственным (советским) компонентом. При этом происходило обесценивание семейной памяти, памяти местных сообществ, связанной с дореволюционной историей местного края, что отвечало общим контекстам «очернения» исторического прошлого эпохи «царизма». Эпизоды и фигуры исторической памяти общества, не связанные с официальным историческим нарративом, подлежали официальному забвению. Именно поэтому на этапе между Гражданской и Великой Отечественной войнами были разрушены старинные погосты, а вместе с ними утрачена память о тысячах людей, в том числе, как нам кажется, с точки зрения современности, выдающихся. В указанный период страна пережила колоссальный духовный надлом, резко изменилось отношение власти и общества к старым кладбищам и иным памятным местам.

Цель данной статьи – охарактеризовать противоречия между традициями российской некрокультуры и советской политикой памяти на примере Казачьего кладбища в Омске в период между концом 1919 – первой половиной 1941 г. Автор статьи ставил перед собой следующие задачи.

Во-первых: кратко, опираясь на наиболее яркие примеры, охарактеризовать социокультурные особенности контингента, погребенного на этом кладбище в военно-революционные годы и на этапе 1920 – 1930-х гг., указать на захоронения людей, пользовавшихся уважением современников, получивших общественное признание.

Во-вторых: определить на примере Казачьего кладбища, в какой мере в межвоенное время сохранялись дореволюционные традиции устройства городских кладбищ, привносились ли советской властью традиции, ею изобретенные.

В-третьих, объяснить, как осуществлялось влияние на состояние Казачьего кладбища советской политики памяти межвоенного периода.

В качестве источников исследования мы использовали материалы коллекции великого князя Николая Михайловича, где представлены материалы о лицах, похороненных на Казачьем кладбище Омска. Эти материалы не дают исчерпывающей картины. Выборка имен делалась исходя из понимания «значимости» персоны, ее социального статуса и заслуг перед городом [30, л. 20 – 24 об.]. Источниками нашего исследования послужили также метрические книги приходов омских церквей, составившееся в 1910-х гг. Метрические книги содержат данные об умерших: сообщают их имена, возраст, чин, дату и причину смерти, место погребения. Эта группа источников позволяет составить общее представление о социокультурном составе лиц, похороненных на Казачьем кладбище к моменту восстановления в Омске Советской власти. Не менее важным источником нашего исследования стала периодическая печать, представленная ежедневной омской газетой «Рабочий путь», где публиковались статьи и заметки о состоянии омских кладбищ, а также многочисленные траурные объявления и некрологи, выступающие своеобразной летописью местной жизни и позволяющие наблюдать процессы, связанные с формированием Казачьего некрополя в 1920 – 1930-х гг. XX в. Советская печать однобоко и тенденциозно освещала события, происходившие в Омске и его окрестностях. Однако этим и ценны газеты – они служат информативным источником изучения изменений в сфере идеологии, в рамках которой осуществляется и политика памяти. История Казачьего кладбища отражается и в документах отдела омского коммунального хозяйства исполнительного комитета Омского областного совета депутатов трудящихся, решивших его «судьбу» принятием постановления о закрытии [10].

Казачье кладбище было основано во второй четверти XIX в. близ одноименного фордштадта [27, с. 22]. По данным омских краеведов в начале XX в. его считали старым сословным кладбищем сибирских казаков. По данным метрических книг, действительно, большинство захоронений этого кладбища принадлежало казакам. Также здесь было немало могил мещан и крестьян. В состав этого кладбища входили

православный, католический, братский, холерный участки и участок кадетского корпуса. Здесь упокоилось немало выдающихся жителей Омска. Именно это кладбище в дореволюционный период считалось мемориальным. В 1859 г. на кладбище по традиции была построена Всехсвятская церковь, которую местные власти закрыли в 1939 г. [27, с. 22 – 23].

На этом кладбище покоились останки многочисленных дворян, к примеру, потомственного дворянина П. П. Халдеева (ум. в 1883 г.), барона П. Ф. Маноеля (ум. в 1866 г.) [30, л. 20]. В числе захоронений военно-революционных лет можно назвать могилы М. А. Даниловой (ум. в 1919 г.) [9, л. 400 об.], девицы О. А. Дурново (ум. в 1917 г.) [5, л. 188 об.], Л. А. Пантре (ум. в 1914 г.) [3, л. 144 об.]; П. А. Потанина (ум. в 1917 г.) [5, л. 157 об.]; Л. В. Сахаровой (ум. в 1914 г.) [3, л. 229 об.]; М. В. Сталиевской (ум. в 1916 г.) [5, л. 232 об.], сенатора А. Н. Шалашникова (ум. в 1919 г.) [4, л. 227 об.] и др. До революции Омск называли городом чиновников. Соответственно на Казачьем кладбище покоились многочисленные чиновники, как низших, так и высших рангов, среди которых можно упомянуть могилы статских советников П. Е. Родюкова (ум. в 1899 г.), И. Ф. Зюкова (ум. в 1895 г.), Д. И. Черневского (ум. в 1886 г.) [30, л. 21]; действительного статского советника, члена казачьей судебной палаты К. Н. Андреева (ум. в 1919 г.) [7, л. 164 об.], надворного советника И. Г. Александрова (ум. 1919 г.) [7, л. 154 об.], отставного действительного статского советника А. П. Куртукова (ум. 1916 г.) [5, л. 227]; надворного советника, служившего в Петроградском государственном банке П. И. Софронова (ум. в 1918 г.) [7, л. 246 об.] и др. На Казачьем кладбище также покоились останки многочисленных почетных граждан, живших в Омске. Среди них были жители Омска А. А. Сикорская (ум. в 1918 г.) [6, л. 218 об.] и С. Г. Сивов (ум. в 1917 г.) [8, л. 131 об.], а также С. И. Соколов, прибывший из Москвы (ум. в 1914 г.) [5, л. 177 об.].

Казачье кладбище привлекает внимание могилами генералитета царских времен: П. Н. Иванова (ум. в 1887 г.), Ф. Я. Солнцева (ум. в 1889 г.), Н. Н. Гредянина (ум. в 1892 г.), А. И. Симонова (ум. в 1857 г.), С. И. Кирикова (ум. в 1907 г.), А. Л. Гинтовта (ум. в 1860 г.) и др. [30, л. 21 – 22 об.]. На Казачьем кладбище нашли последнее пристанище омские протоиереи А. И. Сулоцкий (ум. в 1884 г.), Ф. С. Калугин (ум. в 1900 г.), И. Тихомиров (ум. в 1904 г.), И. Богоявленский (ум. в 1905 г.), Д. С. Понамарев (ум. в 1853 г.), а также священники: Н. Архангельский (ум. в 1892 г.), И. В. Ксенофонтов (ум. в 1899 г.), М. Г. Николаевский (ум. в 1887 г.) др. [30, л. 20].

Обратим внимание и на захоронения интеллигенции, внесшей свой посильный вклад в социальное и культурное развитие Омска. Здесь упокоился директор Сибирской военной гимназии К. А. Линден (ум. в 1874 г.), директор гимназии Д. Тихомиров (ум. в 1877 г.), воспитатель Сибирского кадетского корпуса Г. П. Коробко (ум. в 1900 г.) [30, л. 24], доктор медицины В. А. Баулин (ум. в 1896 г.), врачи В. А. Соколов (ум. в 1906 г.), Д. Н. Сукин (ум. в 1899 г.), Н. И. Пахалков (ум. в 1838 г.) [30, л. 24 об.] и др. В 1918 г. на Казачьем кладбище было предано земле тело директора Омского механико-технического учи-

лища А. И. Пудовкина [6, л. 230 об.], а также учителя коммерческого училища Д. А. Овезникова [6, л. 193 об.]. Особого внимания заслуживают захоронения старшего врача Омской железной дороги Г. Г. Бромберга (ум. в 1918 г.) [6, л. 217 об.] и председателя совета омской учительской семинарии А. Н. Седышников (ум. в 1919 г.) [7, л. 154 об.]. В 1919 г. на Казачьем кладбище были погребены останки учительницы Л. И. Лошковой [7, л. 188 об.] и врача С. В. Мурзаева [7, л. 192 об.] – жертв эпидемии тифа. От тифа скончался и омский ученый – географ А. Н. Седельников [27, с. 87 – 88]. С осени 1919 г. небывалая эпидемия тифа выкашивала постоянных жителей и временных обитателей Омска подчас семьями.

На Казачьем кладбище в годы Гражданской войны были погребены некоторые лица, смерть которых не обошла политизации, тенденциозной для Омска, как для одного из важнейших эпицентров белогвардейского сопротивления большевикам. Здесь упокоились убитые белогвардейцы, добровольцы Карпато-Русского батальона, погибшие в 1918 г. [6, л. 251 об.]. На Казачьем кладбище в 1918 – 1919 гг. было захоронено много жертв убийств, о чем особенно красноречиво сообщают метрические книги Всехсвятской кладбищенской церкви, где обычно в эти годы отпевался данный контингент. Большинство убитых и «удушенных» являлись молодыми мужчинами 25 – 30 лет. Этим убийствам нередко придавалась политическая окраска, что отражалось и на записях в метрических книгах типа: «убит большевиками». Обращают на себя внимание и могилы с Казачьего кладбища, принадлежавшие лицам близким к колчаковским правительственным кругами и элите белой армии. В их числе: В. И. Хорошина – жена помощника военного министра, генерал-майора Б. И. Хорошина (ум. в 1919 г.) [7, л. 158 об.] и супруга полковника Сибирского казачьего войска Н. В. Калачева (ум. в 1918 г.) [6, л. 213 об.].

В 1920-х – 1930-х гг. Казачье кладбище оставалось местом погребения лиц, с точки зрения власти особенно достойных посмертных почестей. Их кончина получала освещение в местной печати, которая сегодня является важным источником изучения истории омского некрополя советского периода. Среди людей, погребенных в 1920 – 1930-х гг. на Казачьем кладбище, чьи судьбы могут быть интересны современным историкам и краеведам, хочется назвать А. И. Дроздова – врача, жертву тифа, умершего в 1922 г. на посту [16]; а также И. А. Позднякова – начальника резерва Омской губернской милиции, погибшего также в 1922 г. на посту [17]. В 1925 г. ушел из жизни и был погребен на Казачьем кладбище А. В. Рязанов – коммунист, «красный профессор» Омского медицинского института [18]. В 1926 г. на Казачьем кладбище появилась могила К. И. Кескевича – партийного работника, убитого бандитами [19]. Интересны также могилы П. С. Максимовича – преподавателя школы среднего состава милиции и уголовного розыска (ум. в 1926 г.) [20]; Я. Лозовникова – секретаря Омского сельского райкома ВЛКСМ, утонувшего в реке при переправе по служебной необходимости (ум. в 1929 г.) [21]. Среди могил Казачьего кладбища 1930-х – начала 1940-х гг. стоит назвать

погребение Ф. И. Артамасова (ум. в 1932 г.) – ректора Комвуза, члена бюро горкома ВКП(б), в заслуги которого входила организация коммунистических курсов в Новосибирске и в Омске [20]; профессора медицинского института И. П. Законова, с 1921 г. возглавлявшего кафедру судебной медицины [23]; стахановца К. Л. Василевского, трудившегося на Сибзаводе (ум. в 1938 г.) [24]; артиста цирка и председателя МК Госцирка А. Т. Казыркова (ум. в 1940 г.) [25]; П. И. Беляева, заведовавшего кафедрой физики в Сибирском автодорожном институте им. В. В. Куйбышева (ум. в 1941 г.) [26].

На протяжении двадцатилетнего периода Казачье кладбище обрело внешние черты, отражающие социальные и культурные реалии эпохи. На его облике сказались общие для страны тенденции изменений мемориальной эстетики. В 1920-е гг. кладбище, по дореволюционной традиции, еще делилось на обособленные части по религиозному принципу, сохранялось и традиционное ранжирование могил по «разрядам». На протяжении всего периода многие жители Омска продолжали отдавать предпочтение кресту в качестве надгробия. Крест так многозначен и ценен для христиан, что многие не могли отказаться от этой формы надгробия, как и от отпевания упокоившихся. Нововведением советского времени стали могильные памятники в виде пирамидок, увенчанных пятиконечными звездами. Эта форма надгробия, символически противостоявшая христианскому пониманию смерти, была связана с художественными традициями классицизма революционной Франции и гражданским отношением к погребальной атрибутике.

Стоит отметить, что в Омске, «освобожденном» от армии А. В. Колчака и покинутом сотнями противников Советской власти, старые кладбища, хранившие, как мы показали выше, память о «бывших», невозможно было избежать запустения и вандализма. Несомненно, на состоянии городских кладбищ сказана общая тенденция деморализации общества, вызванная военно-революционными потрясениями и антирелигиозная пропаганда. В начале 1920-х гг. местная печать неоднократно обращала внимание на проблемы городских кладбищ. Вопиющая бесцеремонность вандалов вызвала резонное возмущение жителей города и работников печати. В 1922 г. «Рабочий путь» сообщал, что кладбищенские мародеры «днем открыто ломают и увозят решетки, ограды, даже целые памятники, приезжают с подводами, грузят добычу и спокойно уезжают» [12]. Сторожа не могли остановить разграбления некрополя, поэтому местные власти вынуждены были пойти на вооружение кладбищенских сторожей [28]. Показательно то, что мародеры и вандалы не только разрушали и похищали надгробия, они не считали зазорным и разрывание могил с целью поживиться одеждой, в которой усопших проводили в последний путь. Несомненно, к этому подталкивала нужда, дефицит предметов первой необходимости, дровяной кризис и прочие обстоятельства хозяйственной разрухи. Но, все-таки для того, что бы надеть или, хуже того, продать с целью наживы вещи «с покойника» нужно было довольно глубоко духовно и нравственно деградировать, о чем и гласила печать, призывавшая обывателей остановить «беспредел». Так в январе 1920 г. газета сообщала:

«На Казацком Всехсвятском кладбище на днях обнаружено вскрытие могилы Кузнецова. Покойник, недавно похороненный оказался раздетым догола. Новый сюртук, брюки и прочее одеяние умершего были похищены...» [2]. Волна аналогичных происшествий прокатилась и по сельской округе Омска [15]. Видимо, поэтому коммунальщики, не справившиеся с ситуацией, решили передать кладбища в аренду тем, кто настойчиво требовал порядка. Так, Казачье кладбище передавалось, созданному кругом заинтересованных лиц, «Кладбищенскому попечительству» [35].

В 1926 г. в газете «Рабочий путь» была опубликована статья о состоянии Казачьего кладбища, где отразилось неоднозначное отношение печати к беспорядку на погосте. Автор отмечал, что прежде на Казачьем кладбище было «тихо и спокойно», что это место отличалось «редким благолепием», служило для чинных воскресных прогулок обывателей, чиновников и учащихся. С разрастанием города Казачье кладбище «обступила» плотная жилая застройка, через кладбище стало ежедневно ходить больше народа, «благолепию» пришел конец. «Убьют, ограбят, излают, изнасилуют! Шкеты, парижанки, ночлежники» – именно так автор кратко изложил наиболее характерные высказывания местных жителей о Казачьем кладбище. Он также описал то, как кладбищенские завсегдатаи («шкеты» и «ночлежники») ломали деревянные кресты на дрова и решетки с целью сдать их скупщикам металла и прочего утиля, обрывали цветущие ветки кладбищенской сирени и яблонь на продажу; как вечерами на кладбище веселились пьяные компании с гармошками, «шатались» проститутки; как в полуразрушенных часовенках на старых могилах ночевали и обильно сорили бездомные и беспризорники. В этом описании чувствуется явное осуждение. Автор рассуждал о «гнусности» хулиганства и проституции, просил обывателей защитить кладбищенскую зелень, которая была так необходима пыльному городу, но советский журналист не мог потребовать от жителей города остановить вандализм, защитить исторический некрополь от разрушения, ведь действия кладбищенских мародеров, с точки зрения закона не считались преступными.

На этом газетном тексте, очевидно, отразилась советская политика памяти межвоенных лет. Власть стремилась искоренить коллективную память о людях, оказавшихся во время войны со стороны вражеских баррикад, о тех, кто теперь причислялся к стану классовых врагов. В региональном центре Новосибирске к этому моменту уже было уничтожено старейшее Воскресенское кладбище, раздражавшее представителей власти контингентом погребенных в земле этого погоста лиц. Именно в эти годы началось также и разрушение исторического некрополя Томска. Несколькими годами позже были уничтожены старые кладбища Барнаула. Сходными были тенденции развития музейного дела. С середины 1920-х гг. началась оценка результатов музеефикации первых лет Советской власти. В итоге к концу десятилетия многие объекты культурного наследия были признаны не представляющими ценности, поскольку они отражали «устаревшие» культурные идеалы эпохи «царизма». Учитывая эти контексты, становится понятным, почему автор статьи о состоянии Казачьего

кладбища открыто не порицал действия тех, кто осквернял погост. Более того, в заключение статьи прозвучало: «Не кладбища жаль, а большого тенистого сада, на территории которого нашли себе приют тысячи могил. Но ведь могилы скоро сотрутся с лица земли, хоронить больше негде, а лес останется... Граждане лохмотники, любители сирени, топчите могилы, ломайте решетки, продавайте на толчок кресты, разрушайте часовенки, но не троньте деревья!» [13].

Вскоре в газете появилась новая заметка о планах горсовета снести Казачье кладбище, открыв новое за городом [36]. Также, в духе времени печать разъяряла омичам преимущества кремации и стремилась объяснить гигиенические преимущества такого способа «избавления от трупов» [1]. В целом омским кладбищам и их безобразному состоянию местная печать уделяла в 1920-х гг. немало внимания. Все эти публикации стоит рассматривать не только как средство констатации возмутительных фактов, но и как способ формирования негативного общественного мнения о старых памятных местах, еще воспринимавшихся верующими как святыни. Печать намеренно стремилась к дискредитации старых памятных мест, к деформации их образа в общественном сознании. Газета работала над тем, чтобы подготовить жителей Омска к разрушению исторического некрополя, представив его перед читателями уродливым, естественно разрушающимся, не имеющим ценность и вдобавок опасным местом.

Однако особенность судьбы исторического некрополя Омска в межвоенный период несколько отличается от общих тенденций присущих региону. Омское Казачье, как и Шепелевское кладбище, просуществовало дольше других дореволюционных кладбищ городов Западной Сибири. В 1935 – 1936 гг. Горсоветом был поставлен вопрос о закрытии Казачьего кладбища в связи с планами местных властей построить на его территории новую больницу [27, с. 179]. Но лишь 15 августа 1941 г. Исполнительный комитет Омского областного совета депутатов трудящихся принял решение закрыть Казачье кладбище [10, л. 61]. В итоге Казачье кладбище официально функционировало до 1942 г. Развалины исторического некрополя Омска исчезали постепенно. Лишь в 1970-е гг. окончательно было стерто с лица земли Казачье кладбище.

Однако 1950 – 1960-х гг. выдающийся омский краевед А. Ф. Палашенков составил мартиролог на основе сохранившихся до того времени памятников, а фотограф А. В. Борисов сделал ряд снимков сохранившихся памятников. В соответствии с современной исторической политикой и актуализацией некрополистики в рамках краеведческого движения 22 июня 2005 г. местные власти открыли на месте уничтоженного погоста мемориальный сквер «Казачье кладбище» [14, с. 160].

Наше исследование позволяет увидеть круг проблем, возникающих при столкновении традиций российской некрокультуры, сложившейся к началу XX в. и советской политикой памяти, направленной на изменение этих традиций. Казачье кладбище, где упокоились многие омичи, имевшие при жизни высокий социальный статус и получившие признание со стороны власти и общества, долгие годы сохраняло признаки дореволюционной некрокультуры. Однако уже в начале 1920-х гг. изменения были неизбежны. Они коснулись мемориальной эстетики. Также власть стремилась изменить и отношение населения к историческому некрополю как таковому, внушая обществу неприязнь к старым памятным местам. На Казачьем кладбище процветал бытовой вандализм, к борьбе с которым местные органы власти со временем перестали прилагать какие-либо усилия, не видя смысла хранить память о «бывших». При этом омские краеведы, прежде всего А. Ф. Палашенков, как и краеведы других сибирских городов, осознавали ценность исторического некрополя Омска, пытались хоть как-то сохранить память об этом уникальном памятно месте. Казачье кладбище избежало участи других старых кладбищ Западной Сибири, многие из которых были совершенно уничтожены в межвоенные годы. Именно поэтому в Омске, пожалуй, лучше всего сохранились до сегодняшнего дня останки исторического некрополя городов Западной Сибири. Это имеет важное практическое значение: парк, разбитый на месте старого Казачьего кладбища должен активно использоваться в экскурсионной деятельности: образовательной, просветительской, досуговой. Данная статья может послужить целям информационного обеспечения подобных мероприятий, организуемых музейщиками и педагогами.

Литература

1. Вахмянин. Трупы сжигать // Рабочий путь. 1928. 11 янв.
2. Вскрытие могилы // Рабочий путь. 1922. 6 янв.
3. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф.Д-16. Оп. 11. Д. 68.
4. ГИАОО. Ф.Д-16. Оп. 11. Д. 94.
5. ГИАОО. Ф.Д-16. Оп. 11. Д. 109.
6. ГИАОО. Ф.Д-16. Оп. 11. Д. 120.
7. ГИАОО. Ф.Д-16. Оп. 11. Д. 139.
8. ГИАОО. Ф.Д-16. Оп. 11. Д. 1324.
9. ГИАОО. Ф.Д-16. Оп. 11. Д. 1451.
10. ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области). Ф.Р-1089. Оп. 1 Д. 228.
11. Качемцева А. А. Традиции некрокультуры как форма сохранения социально-исторической памяти // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 6. С. 276 – 279.
12. Кладбищенские мародеры // Рабочий путь. 1922. 10 марта.
13. Ли. На городских окраинах. Казачье кладбище // Рабочий путь. 926. 29 мая.
14. Лосунов А. М. История и современность Казачьего кладбища // Историко-культурное наследие Омского Прииртышья. Вып. 2(4). Омск: изд. ОмГПУ, 2010. С. 157 – 169.

15. Мертвых грабят // Рабочий путь. 1922. 10 мая.
16. [Объявление] // Рабочий путь. 1922. 12 января.
17. [Объявление] // Рабочий путь. 1922. 23 янв.
18. [Объявление] // Рабочий путь. 1925. 23 сентября.
19. [Объявление] // Рабочий путь. 1926. 21 января.
20. [Объявление] // Рабочий путь. 1926. 31 декабря.
21. [Объявление] // Рабочий путь. 1929. 11 сентября.
22. [Объявление] // Рабочий путь. 1932. 30 июля.
23. [Объявление] // Рабочий путь. 1935. 8 ноября.
24. [Объявление] // Рабочий путь. 1938. 23 декабря.
25. [Объявление] // Рабочий путь. 1940. 17 декабря.
26. [Объявление] // Рабочий путь. 1941. 23 марта.
27. Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища / сост. И. Е. Бродский, Л. И. Огородникова. Омск: Омский дом печати, 2005. 232 с.
28. Охрана кладбищ // Рабочий путь. 1922. 14 марта.
29. Пугачева Н. М. Кладбища Омска // Омский историко-краеведческий словарь. М.: Отечество, 1994. С. 109 – 111.
30. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 549. Оп. 2. Д. 24.
31. Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 56 с.
32. Сорокин А. П. «Места памяти»: проблемы сохранения, изучения и популяризации исторических некрополей (на примере Омска и Тобольска) // Первые Ядринцевские чтения. Омск: ОГИК музей, 2012.
33. Шеррер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти // Pro et Contra. 2009, май – август.
34. Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV – XVII вв.) // Культура памяти. М.: Древлехранилище, 2003.
35. Хроника // Рабочий путь. 1922. 4 мая.
36. Хроника // Рабочий путь. 1926. 10 авг.

Информация об авторе:

Красильникова Екатерина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета, katrina97@yandex.ru.

Ekaterina I. Krasilnikova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History and Political Science, Novosibirsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 09.07.2014 г.